

АЛЕН-РЕНЕ
ЛЕСАЖ

ПОХОЖДЕНИЯ
ЖИЛЬ БЛАСА
ИЗ
САНТИЛЬЯНЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
МОРИСА ЛЕЛУАРА
И СТАНИСЛАВА ГУДЕЧЕКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Л 50

Перевод с французского Григория Ярхо

Составитель Александр Лютиков

Иллюстрации

Мориса Лелуара (воспроизводятся по французскому изданию 1900 г.)
и Станислава Гудечека (воспроизводятся по чешскому изданию 1907 г.).

Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-14077-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

Поскольку существуют люди, которые не могут прочитать книгу, не отождествляя кого-либо с изображенными там порочными или смехотворными характерами, я заявляю этим хитроумным читателям: они тщетно станут искать такого сходства в персонажах, встречающихся в настоящем произведении. Признаюсь всенародно: моей единственной целью было показать человеческую жизнь такою, какая она есть, и, видит Бог, я не имел намерения изобразить кого-либо в частности! Пусть же никто из читателей не относит на свой счет того, что применимо к другим в такой же мере, как и к нему самому, иначе он, говоря словами Федра, разоблачит себя некстати: «Stulte nudabit animi conscientiam»¹.

В Кастилии, как и во Франции, встречаются медики, у которых вошло в систему пускать больным несколько больше крови, чем следует. Везде встречаются те же пороки и те же чудачки. Каюсь, я не всегда точно следовал испанским нравам, и те, кому ведомо, какую беспорядочную жизнь ведут мадридские актрисы, пожалуй, упрекнут меня за то, что я недостаточно резко изобразил их распутство; но я счел своим долгом смягчить картину, дабы приспособить ее к нашим обычновениям.

---

¹ Он глупо обнажит свою душевную сущность (лат.).

ЖИЛЬ БЛАС — ЧИТАТЕЛЮ

Прежде чем познакомиться с повестью моей жизни, выслушай, друг-читатель, притчу, которую я тебе поведаю.

Два школяра направились вместе из Пеньяфьеля в Саламанку. Ощувив усталость и жажду, остановились они у источника, повстречавшегося им на пути. Когда же они усладили себя водой и предались отдыху, то невзначай заметили подле себя камень на уровне земли, а на нем надпись из нескольких слов, уже слегка стертую временем и копытами скота, который водили на водопой к этому источнику. Они плеснули на камень воды, чтобы его вымыть, и прочли следующую кастильскую надпись: «Aquí está encerrada el alma del licenciado Pedro Garcias» («Здесь заключена душа лиценциата Педро Гарсиаса»).

Не успел младший из школяров, юноша живой и легкомысленный, прочитать надпись, как он, хохоча во все горло, воскликнул:

— Что за диковинка! Здесь заключена душа... Заключенная душа! Хотел бы я знать, что за чудак выдумал такую дурацкую эпитафию.

С этими словами он встал, чтобы пуститься в путь. Но спутник его, более рассудительный, подумал про себя: «Здесь кроется какая-то тайна; останусь и попытаюсь ее разгадать».

А потому он отпустил товарища одного, а сам, не теряя времени, стал ножом раскапывать землю вокруг камня. Он так усердствовал, что ему удалось этот камень приподнять. Под ним школяр нашел кожаный кошель, который раскрыл. Там оказались сто дукатов и записка, написанная по-латыни:

«У тебя хватило ума, чтоб разгадать смысл надписи, а потому будь моим наследником и сделай из моих денег лучшее употребление, чем я».

Обрадованный находкой школяр положил камень на прежнее место и направился по дороге в Саламанку, унося с собой «душу лиценциата».

Кто бы ты ни был, друг-читатель, ты будешь похож либо на одного, либо на другого из двух этих школяров. Если станешь читать мои похождения, не отдавая должного заключенным в них урокам морали, то не извлечешь никакой пользы из этого труда; но если прочтешь их с необходимым вниманием, то найдешь, по рецепту Горация, полезное, смешанное с приятным.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

О рождении Жиль Бласа и его воспитании

Блас из Сантильяны, родитель мой, прослужив изрядное время в войсках Испанского королевства, вернулся в тот город, из которого был родом. Там он женился на девушке скромного звания, уже не первой молодости, и я появился на свет спустя десять месяцев после их свадьбы. Затем они поселились в Овьедо, где им пришлось поступить в услужение: мать нанялась в камеристки, а отец в стремянные. Поскольку у них не было других достатков, кроме жалованья, мне предстояло получить довольно плохое воспитание, не будь у меня в городе дяди-каноника.

Его звали Хиль Перес. Он приводился моей матери старшим братом, а мне крестным отцом. Представьте себе низенького человечка, ростом в три с половиной фута, необычайно толстого, с головой, ушедшей в плечи, — таков был мой дядя. Вообще же он принадлежал к числу духовных особ, помышлявших только о приятностях жизни, сиречь об ублажении утробы, и его пребенда¹, отнюдь не маленькая, доставляла ему нужные для этого средства.

Дядя приютил меня с самого младенчества и взял на себя заботу о моем образовании. Я показался ему столь смышленным, что он решил развить мои умственные способности. Он купил мне букварь и принялся сам обучать меня грамоте; это было ему не менее полезно, чем его ученику, так как, показывая мне буквы, он сам стал снова читать книги, которые всегда были у него в большом пренебрежении; благодаря этим усилиям он научился бегло читать требник, чего раньше никогда не умел. Он охотно сам обучил бы меня и латыни — что избавило бы его от расхода, — но, увы, бедный Хиль Перес... он не ведал даже и азов этой науки! Не стану утверждать наверняка, но весьма вероятно,

---

¹ См. «Словарь собственных имен и иностранных слов» в конце книги.

что он был самым невежественным каноником во всем капитуле. По крайней мере, я слышал, что он получил свой приход не за ученость; этим он обязан был исключительно признательности неких добрых монахинь, которым негласно оказывал разные услуги и которые благодаря своим знакомствам сумели доставить ему священство без экзамена.

Итак, дядя был вынужден отдать меня в обучение: он послал меня к доктору Годинесу, слывшему самым искусным педагогом в Овьедо. Я так хорошо воспользовался его наставлениями, что по прошествии пяти-шести лет мог уже несколько разбирать греческих авторов и недурно справлялся с латинскими поэтами. Кроме того, я прилежно изучал логику, которая приохотила меня к рассуждениям. Мне так понравились диспуты, что я останавливал прохожих — равно знакомых и незнакомых, — чтобы затевать споры. Иногда попадались мне любители словопрений ирландского пошиба¹, которые только того и ждали. Стоило тогда взглянуть на наше препирательство. Что за жесты! Что за гримасы! Что за ужимки! Глаза сверкали яростью, на губах выступала пена — нас можно было скорее принять за одержимых, нежели за философов.

Тем не менее благодаря этому я приобрел в городе репутацию ученого, чему дядя был очень рад, ибо рассудил, что я скоро перестану быть ему в тягость.

— Ну, Жиль Блас, — сказал он мне как-то, — время твоего детства прошло. Тебе уже минуло семнадцать, и ты стал смышленным малым; пора подумать о том, чтобы вывести тебя в люди. Я намерен послать тебя в Саламанкский университет. Ты сметлив и не преминешь получить хорошую должность. Я дам тебе несколько дукатов на дорогу, а также своего лошака, который стоит не менее десяти пистолей; ты продашь его в Саламанке и истратишь эти деньги на свое содержание, пока не устроишься на место.

Трудно было сделать мне более приятное предложение, ибо я горел желанием постранствовать. Однако у меня хватило выдержки скрыть свою радость: когда дело дошло до отъезда, я притворился, будто огорчен исключительно разлукой с дядей, которому был столь многим обязан, и растрогал добряка — он отсыпал мне гораздо больше денег, чем я получил бы, если б он мог читать в глубине моей души.

Перед тем как собраться в путь, я зашел обнять родителей, которые не поскупились на наставления. Они увещевали меня молить Бога за

---

¹ Ирландцы слыли за отчаянных спорщиков. В ту пору в Париже их было довольно много.

дядю, жить, как должно честному человеку, не впутываться в дурные дела и, прежде всего, не посягать на чужое добро. После бесконечно долгих поучений они наградили меня своим благословением, что было единственным благом, какого я от них ожидал. Я тотчас же сел на лошака и выехал из города.

ГЛАВА II

**О страхе, испытанном Жиль Бласом по дороге в Пеньяфлор;
о том, что он предпринял по прибытии в этот город,
и о человеке, с которым там ужинал**

Итак, покинув Овьедо, очутился я на пеньяфлорской дороге, в открытом поле, полным хозяином собственных поступков, неважного лошака и сорока добрых дукатов, не считая нескольких реалов, похищенных мною у достопочтенного дяди. Прежде всего я дал волю своему лошаку и позволил ему идти согласно его желанию, то есть шагом. Бросив поводья, я вынул из кармана дукаты и, положив их в шляпу, принялся считать и пересчитывать. Мне никогда еще не приходилось видеть такой кучи денег. Я не уставал рассматривать и перебирать монеты. Когда я пересчитал их, вероятно в двадцатый раз, лошака мой, вздернув голову и уши, внезапно остановился посреди проезжей дороги.

Я решил, что он чего-то испугался, и принялся разглядывать, какая могла быть тому причина; тут я увидел на земле опрокинутую шляпу, а в ней четки с крупными бусинами и в ту же минуту услышал жалобный голос, произносящий следующие слова:

— Сеньор проезжий, сжальтесь, Христа ради, над бедным изувеченным солдатом; сделайте милость, бросьте сколько-нибудь серебра в эту шляпу, и вам сторицей воздастся на том свете.

Я тотчас же посмотрел в сторону, откуда исходил голос, и в двадцати-тридцати шагах увидел под кустом человека, походившего на солдата; он целился в меня из пицали, дуло которой, показавшееся мне длиннее пики, опиралось на сошку. Я обомлел при этом зрелище, заставившем меня трепетать за церковное добро. Быстро спрятав дукаты, вытащил я несколько реалов и, подъехав к шляпе, предназначенной для принятия милостыни от напуганных благодетелей, стал бросать в нее одну монету за другой, желая выказать солдату свою щедрость. Он остался доволен моим великодушием и надавал мне столько же благословений, сколько я пинков своему лошаку, дабы как можно скорее уехать от солдата; однако проклятое животное, не считаясь с моим нетерпением, и не думало торопиться; от долгой привычки плестись шагом под моим дядей оно разучилось скакать галопом.

Это приключение показалось мне не слишком благоприятным предзнаменованием для моего путешествия. Я думал о том, что далеко еще не добрался до Саламанки и что могу, пожалуй, нарваться на встречу и похуже. Я сетовал на неблагоразумие дяди, который не поручил меня погонщику мулов. Действительно, ему надлежало позаботиться об этом; но он рассчитал, что мое путешествие обойдется ему дешевле, если он подарит мне своего лошака, и гораздо больше помышлял о сокращении расходов, нежели об опасностях, которые могли угрожать мне в пути. Желая исправить его оплошность, я решил в случае благополучного прибытия в Пеньяфлор продать там своего лошака и ехать с погонщиком до Асторги, а оттуда тем же способом до Саламанки. Хотя я никогда не покидал Овьедо, однако знал имена всех городов, лежавших на моем пути, ибо осведомился о том перед отъездом.

Я благополучно прибыл в Пеньяфлор и остановился у ворот постоялого двора, на вид довольно пристойного. Едва я спешился, как мне навстречу вышел хозяин и приветствовал меня с большой учтивостью. Он сам отвязал мой чемодан, взвалил его на плечи и отвел мне комнату, в то время как один из слуг ставил моего лошака на конюшню. Хозяин этот был величайшим болтуном во всей Астурии и столь же боль-

шим охотником выкладывать без всякой надобности свои собственные дела, сколь и узнавать чужие; он поведал мне, что его зовут Андрес Коркуэло, что он долго прослужил в королевской армии и что пятнадцать месяцев тому назад уволился со службы, чтобы жениться на девушке из Кастрополя, которая, хотя и была несколько слишком смуглой, однако же не срамила вывески. Он наговорил мне еще кучу всякой всячины, без которой я мог бы отлично обойтись. После таких откровенностей он счел себя вправе требовать от меня того же и спросил, откуда я еду, куда направляюсь и кто я такой. На это мне пришлось отвечать весьма обстоятельно, потому что каждый из задаваемых им вопросов он сопровождал глубоким поклоном и при этом так почтительно просил извинить его любопытство, что у меня не хватало духу ему отказать. Это повлекло нас в длинную беседу и подало мне повод сооб-

щить о своем намерении отделаться от лошака, чтобы ехать дальше с погонщиком. Он одобрил такое решение, однако не ограничился несколькими словами, а принялся разглагольствовать о всяких неприятных происшествиях, могущих постигнуть меня в дороге, и даже присовокупил несколько мрачных историй о путешественниках. Я думал, что он никогда не кончит. Тем не менее он умолк, сказав, что если я хочу продать лошака, то он знает честного барышника, который его купит. Я отвечал, что он меня очень обяжет, если пошлет за барышником; но Коркуэло услужливо отправился к нему сам.

Вскоре он вернулся с названным человеком, которого и представил мне, рассыпаясь в похвалах его честности. Мы втроем пошли на двор, куда вывели и моего лошака. Его несколько раз поводили взад и вперед перед барышником, который принялся рассматривать животное с ног до головы и при этом не преминул наговорить о нем много дурного. Признаюсь, что много хорошего и нельзя было сказать, но будь это даже лошак самого папы римского, барышник все равно бы его охаял. Так он уверял, что лошак наделен всеми возможными недостатками, и, чтобы вернее меня убедить, ссылаясь на хозяина, у которого, вероятно, были свои причины с ним соглашаться.

— За сколько же вы рассчитываете продать эту негодную скотину? — равнодушно спросил меня барышник.

После похвал, которыми он осыпал лошака, а также аттестации сенъора Коркуэло, которого я считал искренним человеком и хорошим знатоком, я был готов отдать животное хоть даром; поэтому я сказал торговцу, что полагаюсь на его честность: пусть оценит лошака по совести, а я удовлетворюсь его оценкой. Тогда, строя из себя честного человека, он возразил мне, что, упомянув о совести, я затронул его слабое место. Совесть и в самом деле не была самой сильной его стороной, так как, вместо того чтоб определить стоимость лошака в десять или двадцать пистолей, как утверждал дядя, он не постыдился предложить мне три дуката, которые я принял с не меньшей радостью, чем если бы нажил на этой сделке.

После того как я столь выгодно отделался от лошака, хозяин повел меня к погонщику, который на следующий день намеревался ехать в Асторгу. Этот погонщик сказал мне, что тронется в путь до рассвета и что сам придет меня разбудить. Мы договорились о цене как за наем лошака, так и за харчи. Когда все было обусловлено, я вернулся на постоялый двор вместе с Коркуэло, который по дороге принялся рассказывать мне историю погонщика и сообщил все, что о нем говорили в го-

роде. Он собирался оглушать меня и дальше своей невыносимой болтовней, но тут, к счастью, его прервал человек, обратившийся к нему с изысканной учтивостью.

Я покинул их и продолжал путь, не подозревая, что этот разговор может иметь ко мне какое-либо отношение.

Придя на постоялый двор, я заказал ужин. День был постный, и мне стали готовить яичницу. Пока ее стряпали, я разговорился с хозяйкой, которую до того не видал. Она показалась мне довольно приглядной; в обхождении же она была так бойка, что, не предупреди меня о том ее муж, я б и сам понял, почему эта харчевня привлекала так много посетителей. Когда подали заказанную мною яичницу, я один уселся за стол. Не успел я проглотить и первого куса, как вошел хозяин в сопровождении того человека, который остановил его на улице. Кавалер этот носил длинную рапиру, и на глаз ему можно было дать лет тридцать.

— Сеньор студент, — сказал он, — я сейчас только узнал, что вы не кто иной, как сеньор Жиль Блас из Сантьяны, украшение Овьедо и светоч философии. Возможно ли, что вы — тот наиученейший человек, тот светлый ум, слава коего столь велика в здешних краях? Вы даже не ведаете, — продолжал он, обращаясь к хозяину и к хозяйке, — вы даже не ведаете, кого у себя принимаете. В вашем доме — сокровище: вы зрите в сем благородном сеньоре восьмое чудо света.

Затем, повернувшись ко мне, он обнял меня за шею и продолжал:

— Простите мою восторженность, я не в силах совладать с радостью, которую вызывает во мне ваше присутствие.

Я не смог ответить ему тотчас же, ибо он так сжал меня, что мне невозможно было дышать; но, высвободив наконец голову из его объятий, я сказал ему:

— Сеньор кавальеро, я не подозревал, что имя мое столь известно в Пеньяфлоре.

— Как известно? — продолжал он в том же тоне. — Мы отмечаем всех великих людей на двадцать миль в окружности. Вас почитают здесь за чудо, и, безусловно, настанет день, когда Испания будет так же гордиться тем, что произвела вас на свет, как Греция — своими семью мудрецами.

За этой тирадой последовали новые объятия, которые мне пришлось выдержать, рискуя подвергнуться участи Антея. Обладай я хоть малейшим жизненным опытом, я не поверил бы его восторгам и гиперболам, а по его чрезмерной лстивости раскусил бы, что имею дело с

одним из дармоедов, встречающихся во всех городах, которые, увидев приезжего, заводят с ним знакомство, чтоб набить брюхо за его счет; но молодость моя и тщеславие побудили меня судить иначе. Мой поклонник показался мне чрезвычайно вежливым человеком, и я пригласил его отужинать со мной.

— О, с величайшим удовольствием! — воскликнул он. — Я слишком признателен судьбе за встречу с прославленным Жиль Бласом из Сантильяны, чтобы не продлить как можно больше счастье, выпавшее на мою долю. Хотя я и не чувствую большого аппетита, — продолжал он, — все же сяду за стол компании ради и из вежливости съем несколько кусочков.

С этими словами мой поклонник уселся напротив меня. Ему подали прибор. Он набросился на яичницу с такой жадностью, точно не ел три дня. По усердию, с которым он за нее принялся, я увидел, что он справится с нею очень скоро. Поэтому я заказал вторую, которую приготовили так быстро, что нам подали ее, когда мы (или, вернее сказать, он) кончали первую. Тем не менее он продолжал усердствовать с той же скоростью и, уплетая за обе щеки, успевал отсыпать мне одну похвалу за другой, что немало льстило самодовольству моей скромной особы. К тому же он часто прикладывался к стакану и пил то за мое здоровье, то за здоровье моих родителей, причем не уставал превозносить счастье людей, обладающих таким сыном, как я. В то же время он подливал вина и в мой стакан и уговаривал меня не отставать. Я недурно отвечал на все здравицы, которые он провозглашал в мою честь; это, а также его льстивые речи привели меня незаметно в столь хорошее расположение духа, что, видя вторую яичницу наполовину съеденной, я спросил хозяина, не найдется ли у него рыбы. Сеньор Коркуэло, который, по-видимому, был заодно с дармоедом, ответил мне на это:

— У меня есть отменная форель, но она обойдется дорого тому, кто вздумает ею полакомиться. Жирен для вас этот кусочек.

— Жирен? — воскликнул мой прихвостень, повышая голос. — Да вы не в своем уме, любезный; знайте, что нет у вас ничего такого, что было бы слишком хорошо для сеньора Жиль Бласа из Сантильяны, который заслуживает, чтоб с ним обращались, как с наследным принцем.

Я остался весьма доволен его отповедью трактирщику, этим он только опередил мое намерение. Чувствуя себя оскорбленным, я немедленно сказал Коркуэло:

— Тащите сюда вашу форель и не беспокойтесь об остальном.

Хозяин, который только того и ждал, принялся приправлять рыбу и вскоре поставил ее перед нами. При виде этого нового блюда глаза моего прихлебателя так и заискрились радостью, и он снова выполнил акт вежливости, то есть налег на рыбу так же, как перед тем на яичницу. Однако же и ему пришлось сдаться из опасения последствий, так как он наелся до отвала. Наконец, напившись и насытившись властью, он решил кончить эту комедию.

— Сеньор Жиль Блас, — сказал он, вставая из-за стола, — я слишком доволен вашим превосходным угощением, чтоб покинуть вас, не дав полезного совета, в котором вы, по-видимому, нуждаетесь. Итак, впредь остерегайтесь похвал. Не доверяйте незнакомцам. Вам могут встретиться такие, которые, как я, захотят позабавиться над вашим легковерием, а может быть, зайдут и еще дальше; чтобы не оставаться в дураках, не верьте всякому на слово, будто бы вы восьмое чудо света.

Сказав так, он расхохотался мне в лицо и удалился.

Эта насмешка была для меня не менее чувствительна, чем величайшие несчастья, приключавшиеся со мной впоследствии. Я не мог утешиться, что дал так грубо себя провести, или, вернее, не мог примириться с чувством уязвленной гордости.

«Как? — воскликнул я. — Этот негодяй просто насмеялся надо мной? Он остановил моего хозяина лишь для того, чтоб выпытать про меня всю подноготную, а скорее всего, оба они были заодно. Ах, бедный Жиль Блас! Умри со стыда: ведь ты дал им отличный повод тебя одурачить. Они состряпают из этого презабавную историю, которая, быть может, дойдет до Овьедо и доставит тебе там великую честь. Родители твои раскаются, что так усердно напутствовали болвана: зачем было предостерегать меня, чтоб я никого не обманывал; они лучше посоветовали бы мне самому не попадаться впросак».

Терзаемый досадой и волнуемый этими обидными мыслями, я заперся у себя в комнате и улегся в постель, но заснуть мне не удалось; не успел я еще сомкнуть глаз, как явился погонщик, который только меня и дожидался, чтоб отправиться в путь. Я тотчас же встал, и, пока я одевался, пришел Коркуэло со счетом, в котором форель, разумеется, не была забыта; мне не только пришлось заплатить все, что он за нее запросил, но, отдавая ему деньги, еще выслушать, к досаде своей, как этот живодер вспоминал про вчерашнюю историю. Заплатив втридорога за ужин, оказавшийся для меня столь неудобоваримым, я захватил чемодан и отправился к погонщику, посылая ко всем чертям обедалу, хозяина и его постоялый двор.

ГЛАВА III

О соблазне, в который впал погонщик по дороге;
о том, что из этого воспоследовало, и как Жиль Блас,
убегая от Сциллы, попал к Харибде

Погонщик сопровождал не одного меня: с нами ехали еще два пенья-флорских барчука, молодой псаломщик из Мондонедо, путившийся в странствия, и юный мещанин из Асторги, возвращавшийся домой в обществе молодой особы, с которой он перед тем обвенчался в Верко. Мы не замедлили перезнакомиться, и каждый сообщил, откуда и куда едет. Новобрачная, несмотря на молодость, была так черномаза и непривлекательна, что мне не доставляло никакого удовольствия смотреть на нее; тем не менее юность и полнота этой особы прельстили погонщика, который вознамерился добиться ее благосклонности. Весь день обдумывал он этот славный подвиг и отложил его выполнение до последнего ночлега. Это произошло в Какавелосе. Погонщик предложил нам остановиться на первом постоялом дворе при въезде в местечко. Харчевня была расположена скорее в предместье, нежели в самом селении, а хозяин ее был известен погонщику как человек неболтливый и сговорчивый. Погонщик позаботился о том, чтобы нас отвели в одну из задних комнат, где предоставил нам спокойно утолить голод. Но к концу ужина он ворвался разъяренный.

— Тысяча чертей! — крикнул он. — Меня обокрали! В моей кожаной сумке было сто пистолей. Не допущу, чтоб они пропали. Сейчас же иду к здешнему судье, а он в таких делах шуток не любит: всех вас будут пытать, пока не повинитесь и не вернете денег.

Сказав это совершенно естественным тоном, он вышел, а мы остались в полном недоумении.

Нам и в голову не приходило заподозрить его в этой уловке: мы были недостаточно знакомы и не могли друг за друга поручиться. Более того, я подозревал молодого псаломщика, а он, быть может, думал то же самое обо мне. К тому же все мы были порядочными простаками. Мы не имели никакого представления о формальностях, соблюдаемых в таких случаях, и чистосердечно поверили, что нас с места в карьер подвергнут пытке. Поэтому, поддавшись страху, все мы стгоряча выбежали из комнаты. Одни бросились на улицу, другие в сад — каждый искал спасения в бегстве. Юный новобрачный, столь же напуганный мыслью о пытке, сколь и все остальные, пустился наутек, как некий новый Эней, нимало не заботясь о супруге. Тогда погонщик, еще более невозддержанный, чем его мулы, в восторге оттого, что стратегический

план увенчался желаемым успехом, направился — как я узнал впоследствии — к новобрачной, чтобы похвастать своей гениальной выдумкой, а также воспользоваться случаем; но этой астурийской Лукреции скверная рожа погонщика придала силы — она оказала энергичное сопротивление и принялась кричать во все горло. Патруль, случайно проходивший мимо постоянного двора, который и без того был ему известен как место, достойное внимания полиции, вошел туда и осведомился о причине крика. Хозяин, распевавший на кухне и притворявшийся, что ничего не слышит, был вынужден проводить начальника дозора и стражников в комнату, откуда раздавались крики. Они пришли как раз вовремя: астурийка окончательно выбилась из сил.

Узнав, в чем дело, начальник, человек грубый и крутой, закатил влюбленному погонщику пять или шесть ударов древком своей алебарды и начал поносить его в выражениях, не менее оскорбительных для целомудрия, чем поступок, их вызвавший. Этим, однако, не кончилось: виновный был взят под стражу и отведен к судье вместе с обвинительницей, которая, несмотря на беспорядок в своем туалете, пожелала пойти лично и потребовать возмездия за покушение. Судья выслушал новобрачную и, поглядев на нее внимательно, решил, что обвиняемый не заслуживает никакого снисхождения. Он приказал тут же раздеть погонщика и выпороть в своем присутствии; затем судья распорядился отправить истцу в Асторгу под эскортом двух стражников за счет и на иждивении правонарушителя, если муж ее не сыщется до следующего дня.

Что касается меня, то, испуганный, быть может, более прочих, я кинулся бежать; я пересекал поля и заросли и, перепрыгивая через все попадавшиеся мне овраги, очутился на опушке леса. Только что я хотел броситься туда и скрыться в самой гуще кустов, как передо мною выросло двое всадников.

— Кто идет? — крикнули они и, так как я от изумления не мог сразу ответить, подъехали ближе.

Приставив мне к груди по пистолету, они потребовали, чтобы я сказал им, кто я такой, откуда иду, что намеревался делать в этом лесу, и в особенности чтобы я отвечал им без утайки. Этот способ допроса показался мне не лучше пытки, которую предвещал нам погонщик. Я отвечал, что жил до той поры в Овьедо, а теперь направляюсь в Саламанку, и, сообщив им даже про тревогу в харчевне, сознался, что страх перед пыткой заставил меня обратиться в бегство. Услыхав этот рассказ, свидетельствовавший о моем простодушии, всадники расхохотались, и один из них сказал мне:

Леса́ж А.-Р.

Л 50 Похождения Жиль Бласа из Сантьяны : роман / Ален-Рене Леса́ж ; пер. с фр. Г. Я. Ярхо. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 736 с. : ил. ISBN 978-5-389-14077-6

Ален-Рене Леса́ж — известный французский писатель, автор бессмертной книги «Хромой Бес» и не менее известного плутовского романа «Похождения Жиль Бласа». Жиль Блас — обыкновенный молодой человек, сын конюха и горничной — переживает невероятные приключения, в которых отразилась во всем своем блеске разнообразная жизнь Испании XVIII века. Переменив множество профессий, побывав в тюрьме и в лапах разбойников, испытав глубочайшую нужду и невероятное богатство, Жиль Блас стал подлинным героем своего времени, а история его жизни превратилась в один из самых увлекательных романов за всю историю литературы.

Впервые в России издание сопровождается полными комплектами рисунков выдающихся мастеров книжной иллюстрации Мориса Лелуара и Станислава Гудечека.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АЛЕН-РЕНЕ ЛЕСАЖ
ПОХОЖДЕНИЯ ЖИЛЬ БЛАСА
ИЗ САНТИЛЬЯНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Владимир Гусаков
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова и Дмитрия Кабакова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Валерий Камендо, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.03.2018. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 59,34.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в типографии «ПНБ ПРИНТ» (SIA «PNB Print»)
«Янсили», Силакрогс, Ропажский район, Латвия, ЛВ-2133
www.pnbprint.eu

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BNK-22291-01-R

9 785389 140776